

М.Ю.Сорокина

"Ненадежный, но абсолютно незаменимый":
200-летний юбилей Академии наук и "дело Масарика-Яacobсона"

Роман Осипович Яacobсон (1896-1982) жил в Чехословакии с 1920. Уехав из России с миссией Красного Креста, он оставался здесь до 1939, когда через Скандинавию перебрался в США, где и жил до своей кончины. Если наука Яacobсона тщательно изучается, то многие биографические эпизоды остаются скрытыми и тем более плохо документированными¹. Это вполне понятно: источники информации об этой стороне жизни Яacobсона находятся преимущественно в архивах дипломатических и разведывательных ведомств, мало склонных к откровенности.

В Архиве внешней политики МИД Российской Федерации, в фонде "Секретариат Г.В.Чичерина" хранится недавно рассекреченное "досье "Юбилей Академии наук", в котором концентрировались наиболее значимые для наркома документы, связанные с организацией 200-летнего юбилея Российской Академии наук (РАН) в 1925². Значительную часть этого досье составляют материалы, рассказывающие о фантастической дипломатической инициативе Советского полпредства в Чехословакии пригласить в Ленинград Томаша Г. Масарика (1850-1937), президента не признававшей СССР Чехословакии. Разумеется, в центре всей затеи был Роман Яacobсон, бактериологическая особенность "становиться центром начинаний, направленных на крутой пересмотр общепринятых взглядов", уже отмечена³.

Чешская полиция и русские эмигранты считали Якобсона советским шпионом. В январе 1923 полиция устроила обыск на его квартире⁴. По-видимому, после этого Якобсон "с согласия тогдашнего полпреда"⁵ перестал быть официальным сотрудником советской миссии и в изящной формулировке Наркомата иностранных дел "спустя некоторое время неофициально стал работать"⁶.

По свидетельству Н. Н. Дурново, "хотя коммунизму Якобсон тогда не сочувствовал, но к своим обязанностям в советском полпредстве относился ... добросовестно и с некоторым энтузиазмом. [...] Встречаясь часто с чехословацкими и югославскими дипломатами, он в беседе с ними проводил мысль о необходимости установления правильных дипломатических отношений Чехословакии и Югославии с СССР"⁷.

Однако у советских дипломатов полного доверия к Якобсону не было. Заведующий подотделом Центральной Европы НКВД Б.Е.Штейн⁸ в докладе наркому Г.В.Чичерину вполне прозрачно намекал на "двойное дно" сотрудника: "Якобсон является дипломатическим информатором Полпредства. Как видно из дневников и писем ряда Полпредов (т.т. Юренева, Антонова-Овсеенко), почти все связи Полпредства с официальным и дипломатическим миром ведутся через Якобсона. В числе его собеседников постоянно мелькают имена Масарика, Бенеша, Гирсы, Папоушека, Ключича (югославское Посольство), Уржидила (германское Посольство), Кужэ, Фишеля (французское Посольство) и ряда других. Вся дипломатическая информация Полпредства носит неизменный подзаголовок: "Из разговоров Якобсона с ...". При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что все без исключения отчеты об этих разговорах представляют сообщения о том, что собеседник сказал Якобсону, и никогда не говорится, что Якобсон сказал собеседнику"⁹.

Вопрос о политической и идеологической ангажированности Романа Якобсона и степени его влияния в советском полпредстве в 20-ые годы выходит за рамки исключительно авантюрных деталей биографического сюжета. В начале XX века научное сообщество впервые публично заявило о своей претензии

определять судьбы человечества. Ученый "во власти" - президент, министр, посланник, губернатор, мэр - обычное явление европейской и американской политической жизни. Жесткая прагматика "большой науки" требовала активного сотрудничества "бессмертных" с самыми разными властными структурами. Западная научная элита стала частью общенациональной; ученый - частью политического истеблишмента. Приехав в 1924 во Францию служить в советском полпредстве и познакомившись с правительством Э. Эррио, русский большевик Александр Аросев был поражен: "Это ученое, университетское правительство, даже не правительство, а скорее президиум Академии наук"¹⁰.

Наука как власть - новый образ в виртуальной галерее геополитики, привнесенный XX веком - веком научной революции. После первой мировой войны казалось, что мир, в котором за минуту сотни людей выкашиваются пулеметами и уничтожаются газом, может спасти только "политика интеллекта" (Поль Валери) и с окончанием войны идея "интернационала науки", "общей мировой организации ученых", "Европейского union intellectuel" и др. многими считалась миротворительной. На некоторое время западные "властелины мира" вырвали знамя пацифизма из рук различного рода маргинальных сект, братств и т.п. и попытались имплантировать его в целостную доктрину новой "духовной реформы", где место всеобъемлющей религии занимал "интеллект", а принцип "национального и/или государственного суверенитета" заменялся "всемирной надгосударственностью".

В дореволюционной России имперская бюрократия всех уровней не допускала участия научного сообщества в государственном управлении, хотя бы на положении экспертов. Но отторгая ученых, российская властная элита, впрочем, не брезговала использовать их патриотический настрой и государственнический пафос для выполнения "особых поручений" правительства, или попросту для тех или иных видов разведывательной деятельности (И.П.Минаев, П.К.Козлов, Н.М.Пржевальский, Ф.И.Щербатской, А.Н.Крылов, Н.И.Вавилов и др.)¹¹.

Большевики радикально изменили социальный статус науки в России, а их доктрина глобального революционного передела мира, хотя и с некоторым

опозданием, включила представление о научных, образовательных, культурных связях и контактах как средстве эффективного и глубинного международного влияния. Первый председатель Всесоюзного Общества по культурным связям с заграницей (ВОКС) Ольга Каменева в специальной брошюре объясняла делегатам XIV-го партийного съезда (1925), что в мировой политике идет борьба за районы "культурного воздействия" и развитие культурной экспансии - важнейшая задача пролетарской власти¹².

"Советский космополит" Роман Якобсон был одним из ревностных сторонников идеи славянского культурного единства. Его главная политическая тенденция 20-х, по выражению Н.Автономовой и М.Гаспарова, - "донести до советских властей предложение укреплять свои международные позиции в Восточной Европе, а не в Китае"¹³, совпадала с вектором разнонаправленных сил международной политики.

Утраченный статус

Какую именно дату считать днем основания Российской Академии наук, не очень ясно до сих пор. Когда 22 января 1724 император Петр Великий представлял Правительствующему Сенату проект Положения об основании Петербургской Академии наук и художеств, Сенат 28 января издавал Указ об ее учреждении, академики проводили первое научное собрание 17 сентября 1725, а 27 декабря впервые заседали публично, в торжественной обстановке, - числом 17, они не предполагали, что закладывают любопытный исторический прецедент для своих академических потомков.

Петербургская Академия наук, созданная по образу и подобию Парижской Académie des Sciences - светской государственной научной организацией, членство в которой означало не только публичное признание научных заслуг, но и возможность управления научной деятельности, стала единственным учреждением в Европе начала XVIII в., где исследовательская работа была признана профессией, полностью обеспечивавшей средства к существованию. Рекрутированная

преимущественно из немецких ученых, читавшая и писавшая на латыни, Академия стала своего рода придворной "кунсткамерой" в неграмотной Империи, первой "потемкинской деревней", призванной демонстрировать Европе "просвещенность" российской монархии. Однако объективно такое расположение и покровительство власти обеспечивало стабильный рост социального статуса "чистого знания" и его носителя - академической научной элиты. Всего за 20 лет - с 1873 по 1893 - звание академика, уверенно поднимаясь по ступенькам "Табели о рангах", переместилось из 6-го класса (=полковнику армейских чинов), в 4-ый (=генерал-майору, губернатору), сумев догнать и перегнать таким образом ректоров (4 кл.) и профессоров университетов (5 кл.), застывших в этих классах с 1863.

"Век академий" сменил "эпоха исследовательских институтов" и в России, где, несмотря на раннюю институционализацию науки, отсутствовало понятие "государственная научная политика", а министерство народного просвещения¹⁴ долгое время с удивительной симметричностью и последовательностью возглавлялось либо генералом (П.С.Ванновский, В.Г.Глазов, П.Н.Игнатьев), либо чиновником из филологов-классиков (Г.Э.Зенгер, А.Н.Шварц, Л.А.Кассо)¹⁵, причем с первыми, как правило, были связаны попытки скромных либеральных реформ, а со вторыми - их решительное прекращение, Академия наук постепенно превращалась в элитный научный клуб¹⁶, мало похожий на научную организацию века научно-технической революции.

Собственно исследовательского персонала почти не было: 105 служащих в 1917 - по два на академика. Институтов - тоже два, гуманитарных и очень скромных по размерам¹⁷. В первые послереволюционные годы академики, авторы или "восприемники" многих проектов исследовательских институтов, предпочитали реализовывать их где угодно, только не в рамках Академии наук. Большая (=капиталоемкая) наука немедленно уходила туда, где сосредотачивались материальные ресурсы. "Автономия" Академии, лишенной реальной бюджетной поддержки, немедленно обернулась фактическим исходом ее собственных действительных членов и тем самым перспективой научной стагнации, особенно заметной в сравнении с успехами ведомственной науки (ВСНХ, Наркомздрав и

др.). Сохраняя статус "первенствующего научного сословия", Академия наук теряла рычаги влияния на развитие собственно исследовательского процесса. Советский чиновник Главнауки, собиравшейся кардинально реформировать РАН, пронизательно заметил, что "сила АН заключается в *традиционном авторитете* (курсив здесь и далее мой - М.С.), основанном на ... сознании, ... что АН в любой момент выступит на защиту ученой корпорации"¹⁸. Но это уже была функция "профсоюза", а не научного центра. В известном смысле Академия пережила себя и остро нуждалась в институциональной самоидентификации - академикам предстояло понять, какой Академии быть дальше.

"По соображениям государственной предусмотрительности..."

В первые послереволюционные годы большевики мало интересовались организацией научной деятельности, что для ученых на практике означало устройство своеобразного конкурса-состязания на право получения государственных денег - единственного в Советской России источника финансирования исследований.

Стремясь восстановить утраченный статус, Академия наук, в лице своего ведущего "администратора", вице-президента В.А. Стеклова, предложила власти - своему традиционно главному патрону, международный проект "200-летний юбилей Академии наук". В "Воспоминаниях" Стеклов откровенно писал, что "*воспользовался мыслью о предстоящем 200-летнем юбилее РАН (в 1924 или 1925 г., можно праздновать по желанию, исторические даты есть)*", чтобы провести через Особый Временный Комитет Науки при СНК РСФСР широкую программу юбилея - "национального праздника" с приглашением иностранных ученых. "Каковы бы ни были условности внешней обстановки, пережитой РАН за 200 лет, - объявил вице-президент, - все проявления ее творческого духа должно признать отныне проявлениями общенародного гения, который с самого ее основания воплотился через простого крестьянина - рыбака Архангельской губернии, ныне бессмертного Михайлу Ломоносова и следовавших за ним"¹⁹. И предложил "впредь

каждую годовщину РАН считать всероссийским праздником с соответствующим публичным собранием".

Первоначально Стеклов "назначил" юбилей на ближайший 1924 год²⁰, однако откликнулась и предложила помощь только местная власть - зиновьевский Петроградский губисполком. Между тем программа подготовки к юбилею подразумевала основательную материально-техническую реконструкцию Академии, возможную только при прямом финансировании из Москвы, от центрального правительства.

И 18 февраля 1925 академики В.А.Стеклов и С.Ф.Ольденбург направили председателю Совнаркома СССР А.И.Рыкову Записку²¹, в которой на понятном большевикам языке объяснили, зачем новой власти нужна своя Академия наук. "Базаровский" стиль записки выдает авторство В.А.Стеклова. На первой же странице трижды - со ссылкой на К.Маркса и Ф.Энгельса - заявлялось, что "наука ... есть исторически движущая революционная сила". От цитирования классиков академики быстро перешли к конфуцианской риторике: задача "мудрого правительства" - писали они и здесь чувствуется редаKTура текста востоковедом Ольденбургом, - раздувать пламя научного искания, "вкореняя в сознание масс уважение к науке и пользуясь для этого каждым подходящим случаем". Академический юбилей объявлялся одним из наилучших способов для осуществления этой цели. Академики умело подчеркнули "политическое значение" будущего торжества, проведение которого "убьет не совсем еще заглохшие кривотолки внутри страны", а особенно - его значение в международной политике, продемонстрировав заботу советского правительства о науке и научных работниках и тем самым опровергнув расхожее суждение о "варваризации" страны.

Между прочим академики заметили, что европейские правительства часто делегируют на научные конгрессы и юбилеи своих самых высокопоставленных представителей и предположили, что "участие представителей Советского Правительства ... будет иметь громадную общественную и политическую цену". А чтобы окончательно развеять сомнения властей в целесообразности академического торжества, добавили, что зарубежные ученые, особенно

французские, уже интересовались перспективами празднования юбилея, следовательно использовать "такое благожелательное отношение заграничных ученых кругов крайне желательно ... для пользы научного дела и по соображениям государственной предусмотрительности".

Председатель Совнаркома отреагировал незамедлительно и 24 февраля переправил записку академиков в Политбюро ЦК со своей благожелательной полусторонней резолюцией и просьбой поставить вопрос о юбилее Академии на заседании Политбюро на следующий день, 25 февраля. "Я считаю, - писал А.И.Рыков, - что следует придать этому празднованию импозантный характер". На "советском" языке это означало: "весь план празднования будет утверждаться нами", "речи и выступления наших академиков будут с нами согласованы", "в списки приглашенных мы сможем включить ученых из колониальных стран и доминионов". "При таких условиях, - констатировал Рыков, - мы сможем с большой для себя выгодой использовать этот случай", который обошелся бы власти всего в 300 000 руб.²²

Резолюция Рыкова немедленно поступила в секретариат И.В.Сталина и в тот же день, 24 февраля, вместе с запиской академиков была направлена помощником секретаря ЦК Л.Мехлисом "по поручению тов. Сталина" и под грифом "Строго секретно" наркому иностранных дел Г.В.Чичерину и находившимся в Москве полпредам - во Франции Л.Б.Красину и в Великобритании Х.Г.Раковскому - "для ознакомления к заседанию ПБ от 25\II 25"²³.

Предложение академиков нашло полное понимание у большевистских лидеров Советской России, только начинавших преодолевать международную изоляцию пост-Версальского мира. Советское дипломатическое "наступление" было признано целесообразным дополнить культурным и 25 февраля 1925 Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о желательности приезда зарубежных ученых на юбилей РАН и поручило СНК СССР ассигновать необходимые средства²⁴; специальную Комиссию СНК СССР по организации празднования 200-летнего юбилея РАН возглавил сам председатель СНК СССР А.И.Рыков²⁵.

С этого момента "юбилейные кампании" в СССР всегда использовались властью для сигнала о фундаментальных изменениях в государственной научной политике. Если в июне 1945, на 220-летнем юбилее АН, была провозглашена новая официальная доктрина "единой мировой науки", заменившая концепцию двух противостоящих наук - западной и советской, буржуазной и пролетарской, определявшую научную политику 1930-ых²⁶, то "юбилей 1925" впервые в истории России обозначил, что "наука" - сфера государственного интереса и приоритета, а международные научные связи - инструмент государственной политики; научная элита получила статус государственной, а Академия наук признана своего рода государственным предприятием "с долевым участием" ученых и государства.

В какой цвет красить...?

Руководители Академии ответили полной взаимностью на заботу партии и правительства. Для украшения Конференц-зала из Москвы выписали красное сукно и три алые скатерти, Юбилейный комитет РАН сделал специальное распоряжение о приобретении бюста Ленина в Академии художеств²⁷, причем выбрать подходящий поручили непосредственно президенту и вице-президенту РАН²⁸. Стиль был нарушен только однажды: выбирая, в какой цвет покрасить здания Академии, остановились все-таки на оранжевом - "елизаветинском" цвете Академии²⁹.

Самым важным был вопрос, кого приглашать. Если бремя выбора зарубежных гостей можно было разделить с властями, то со "своими" пришлось разбираться самостоятельно. После 1917 из 46 российских академиков в эмиграции оказались восемь действительных³⁰ и два почетных члена³¹. Из членов-корреспондентов к 1925 Россию покинули 15³².

Среди многих естественников, фактически определявших политику Академии, отношение к коллегам, находившимся за границей, было весьма прохладным. "Я твердо верю и понимаю только национальную (русскую) науку, - заявлял академик А.Е.Ферсман, - и большевики нас научили национализму. Для

меня всякое ослабление нашей работы, всякий перенос ее из России в Париж, есть удар по борьбе за интеллигенцию, за научную мысль России, за наши силы. [...] Неужели же можно думать, что русскую культуру пронесет в будущее русская эмиграция - эта смесь чванства, глупости, мстительности и безумия?"³³. Ему вторил член-корреспондент А.А.Борисяк: "Эмигранты жалкие люди, которые могут только портить в России, ... все они осуждены на вымирание вне России, а ... дети их будут совершенными иностранцами"³⁴.

Между тем, почти все академики-эмигранты были гуманитариями. И Академия сама сделала то, на что еще не решались советские чиновники. Без каких бы то ни было указаний или давления "из вне", даже формальные приглашения не были направлены П.Г.Виноградову (единственному среди современников члену одновременно Российской и Британской Академий), М.И.Ростовцеву, П.Н.Струве, В.А.Францеву; аналогично поступили и со многими членами-корреспондентами³⁵. У Академии не нашлось средств просившим о материальной поддержке для приезда И.А.Бодуэну де Куртене и Н.Н. Дурново³⁶; их, как и многих других гуманитариев, официально не порвавших отношения с Академией, "не то, чтобы вытолкали за дверь, но постепенно и незаметно закрыли..., указав на ... ненужность"³⁷. Тем более Академия проигнорировала телеграмму из Тургая: "Прошу ходатайствовать пред правительством моем помиловании случаю юбилея член корреспондент Всесоюзной академии Харлампович"³⁸.

Напротив, академику-химику П.И.Вальдену, жившему в Германии, а также академикам А.Н.Крылову и В.И.Вернадскому, Юбилейный комитет РАН направил специальные письма³⁹ и просил президента РАН А.П.Карпинского лично написать Вернадскому⁴⁰, однако они не захотели приехать и в "Справочнике для участников празднования 200-летнего юбилея Академии наук. 1725-1925" уже нельзя было найти ни одного из этих имен, за исключением А.Н.Крылова.

"Интернационал науки"

Селекцией иностранных ученых, приглашаемых Академией, занимались три инстанции - Наркомпрос, НКИД и Иностраннный отдел ОГПУ, из которых главной и ведущей был Наркомат иностранных дел. Утверждение сталинско-бухаринского тезиса "о построении социализма в одной стране" усиливало позиции НКИД перед Коминтерном и в 1925 Сталин впервые ввел в состав ЦК партии наркома Г.В.Чичерина. Его заместитель М.М.Литвинов провел энергичную кампанию по обвинению ОГПУ в шпионии, дискредитирующей не только НКИД, но и СССР⁴¹, и на короткое время Наркоминделу удалось отодвинуть даже этого могущественного противника.

К середине 1925 РАН насчитывала 182 иностранных почетных члена и члена-корреспондента; им персонально направили пригласительные билеты на юбилей. Второй список гостей включал зарубежные научные учреждения, с которыми Академия имела постоянные контакты - как правило, Академии, университеты, самостоятельно формировавшие состав "юбилейных представителей". Всего были разосланы 333 приглашения учреждениям и 340 - отдельным ученым⁴².

Первой инстанцией согласования стал Наркомпрос, куда списки поступили не из Академии, а от управляющего делами СНК СССР Н.П.Горбунова. 28 февраля 1925 под грифами "совершенно секретно" и "лично" он писал А.В.Луначарскому (формулировка начальника - закон для подчиненного) словами А.И.Рыкова: "Правительством решено придать празднованию 200-летнего юбилея Академии наук торжественный импозантный характер, с приглашением на это празднование ученых всего мира". Наркомпрос, постоянно боровшийся с автономией Академии, после решения "начальника" не сопротивлялся и, кажется, даже не рассматривал академические списки: уже 2 марта Луначарский поставил визу: "Со стороны НКП возражений по заявленному списку не встречается"⁴³.

В апреле Коллегия НКИД полностью одобрила списки РАН, однако и после этого отбор "гостей" продолжался - теперь уже непосредственно отделами наркомата⁴⁴. И на этой стадии "возражений" почти не встречалось. Проблемы возникли лишь со славянскими учеными: подотдел Балканских стран назвал

"безусловно нежелательным" приезд В. Н. Златарского, профессора истории из Софии, а также профессоров Л. Милетича (София) и А. И. Белича (Белград), и рекомендовал по отношению к болгарам "свое гостеприимство ... сократить"⁴⁵. Ко 2 мая подоспело одобрение академического списка Иностранным отделом ОГПУ, желавшим исключить только слависта М.Розвадовского, профессора из Кракова⁴⁶.

По-видимому, подобная индифферентность к чистоте рядов грядущего торжества - по сути первого крупного международного научного форума в Советской России⁴⁷ - насторожила руководителей наркомата, прежде всего М.М.Литвинова, курировавшего "академическое дело", и они решили получить информацию "с мест" - заручиться поддержкой полпредов⁴⁸. Действительно, когда 8 мая под председательством А.И.Рыкова состоялось первое заседание Совнаркомовской юбилейной комиссии, быстро выяснилось, что одних иностранных членов Академии будет маловато для "импозантного" торжества и надо принять "дополнительные меры по приглашению возможно большего числа иностранцев": расширить список участников и особенно стремиться к приглашению ученых Востока. В помощь НКВД уже официально придали управделами СНК Н.П.Горбунова и 2-ого заместителя председателя ОГПУ СССР, он же заместитель начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ СССР, Г.Г.Ягоду. Именно "тройке" - Литвинов, Горбунов, Ягода - поручили "окончательно согласовать список"⁴⁹.

11 мая НКВД направил письма всем полпредам СССР за границей, а также неофициальному представителю в США, в которых, информируя о намеченных приглашениях, просил сообщить, "какие другие ученые учреждения страны Вашего пребывания ... могли бы Вы рекомендовать АН пригласить на означенное торжество"⁵⁰. Одновременно Н.П.Горбунов затребовал от Академии дополнительные списки приглашаемых, которые "гарантировали бы прибытие достаточного количества иностранных гостей на юбилейные торжества". Прагматичный управделами хотел иметь и другой перечень - с именами лиц и учреждений, "коим [для приезда] необходимо обещать материальную помощь", пообещав ассигновать на это 50 000 рублей⁵¹.

В самой Академии перспектива увеличения списка гостей вызвала острые внутренние разногласия между естественниками и гуманитариями и на свет появились два конкурирующих списка - вице-президента, математика В.А.Стеклова, настаивавшего на дополнительном включении представителей более сорока геологических, метеорологических и сейсмических учреждений, а также университетов Канады⁵², где незадолго до этого он побывал на математическом конгрессе, и академика-секретаря Историко-филологического отделения, арабиста И.Ю.Крачковского, включавшего представителей более, чем двадцати восточных музеев, библиотек, университетов⁵³. Мнение же II-го Отделения - русского языка и словесности, или "славянского", похоже, вообще никого не интересовало - ни в самой АН, ни в "инстанциях".

Пока академики спорили, какие науки в Академии первейшие и важнейшие, стали приходить ответы из полпредств и началась горячка пересмотра списков.

Критерий оценки кандидатов НКВД выделил точно - имеются ли в распоряжении полпредств сведения, "что тот или иной из перечисленных ученых известен активными выступлениями против Советской Власти или относится к ней определенно враждебно"⁵⁴. Оказалось, что из более, чем трехсот приглашаемых ученых, ни один в выступлениях против Советской власти замечен не был⁵⁵! Полпредство в Норвегии (А.М.Коллонтай) одобрительно отметило, что все указанные ученые "известны с лучшей стороны": о Ф.Нансене "нечего и говорить", В.Брёггер хотя и консерватор по взглядам, но активного участия в политике не принимает, И. Фохт - беспартийный, но сын его член рабочей партии, другой - член Компартии, В.Гольдшмидт - беспартийный, с некоторым уклоном в пользу рабочей партии, а Г.О.Сарс просто беспартийный⁵⁶. Полпредство в Германии (Н.Н.Крестинский) хотя и назвало "реакционерами и консерваторами" В. Нернста (Берлин), М. Лауэ (Берлин), А. Е. Лагорио (Берлин), ничего против их приглашения не возразило⁵⁷.

В то же время реакция почти всех полпредств совпала в общей оценке акции, которую сформулировал советник посольства в Италии Макар: "Приведенные Вами имена по наведенным справкам вполне приемлемы, но,

конечно, недостаточны". И как будто зная о том, что происходит в Академии, добавил: "Хотя у нас и Советская власть, но ограничить приглашения на празднование одними математиками ("социализм - это учет") и семитологами не следует. В ближайшее время я постараюсь дополнить Ваш список"⁵⁸.

Дополнять стали подлинными друзьями СССР. Советник Полпредства в Германии А.Штанге просил пригласить представителей Общества изучения Восточной Европы, которое "проводит к нам благожелательную политику и неоднократно оказывало услуги в отдельных случаях, не говоря об его общей полезной для нас деятельности"⁵⁹. ВОКС настойчиво требовал приезда своей креатуры - членов различных Обществ "новой России", "сближения с СССР", "друзей СССР" и т.д. Особенно активным оказался товарищ Калина - 1-ый секретарь полпредства и одновременно уполномоченный ВОКС в Чехословакии, добивавшийся приглашения в Ленинград целой делегации "Общества сближения с новой Россией" и особенно его председателя Зденека Неedly⁶⁰. О.Д.Каменева, сообщая об этом С.Ф.Ольденбургу, писала, что "мы со своей стороны прямо заинтересованы в приезде проф. Неedly⁶¹ ... как лица, много потрудившегося для культурного сближения СССР с Чехословакией"⁶².

"Чешская акция" Романа Якобсона

Прага представляла особый интерес для советского руководства как один из крупнейших центров русской эмиграции, где сосредоточилась значительная часть научной и политической элиты, поддерживаемая президентом Томашем Г. Масариком и министром иностранных дел Э.Бенешем в рамках "Русской Акции".

Чехословакия, "зажатая" между Германией и Россией, геополитически была обречена на выбор "покровителей" и, проводя "Русскую Аксию", она фактически "покупала" свое будущее. МИД Чехословакии, устанавливая правила распределения субсидий русским эмигрантам, прямо оговаривал, что по возвращении в восстановленную Россию они должны были бы пропагандировать ЧСР в хозяйственной и культурной областях, а суммы, затраченные Чехословацким

правительством на их поддержку в эмиграции, должны были быть "возвращены" приглашением чешской интеллигенции в Россию и выделением государственных дотаций чехословацкой промышленности, которая бы имела перед промышленностью других государств преимущественное право⁶³.

Гуманитарная помощь рассматривалась многими чехословацкими политиками как выгодное помещение политического капитала⁶⁴, а Масарик и Бенеш надеялись, что "Русская Акция" сделает Чехословакию ведущим славянским центром Европы. Поддержка русских эмигрантов не мешала, однако, и сохранению status quo в отношениях с Советской Россией. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, постоянное представительство СССР энергично функционировало в Праге, а его "дипломатический информатор" Роман Якобсон - большой поклонник славянского единства - регулярно бывал "на чае" у президента Масарика⁶⁵.

После ожесточенных внутрипартийных дискуссий первой половины 1920-х Сталин, следуя старой имперской традиции отправлять неудобных режиму сановников подальше - послами за границу, поспешил убрать таким образом многих фракционеров, создав тем самым "оппозиционный дипломатический пояс" вокруг СССР. К середине 1920-х едва ли не весь европейский дипкорпус Советов оказался протроцкистским, разделяя устремления Льва Давыдовича к раздуванию пожара мировой революции, чем и занимался в странах пребывания. Представителем именно этого течения был и непосредственный начальник Якобсона - полпред в Чехословакии Владимир Александрович Антонов-Овсеенко (1883-1938), имевший в ранце, как и все первое поколение советских дипломатов, дворянское происхождение и политическую эмиграция до Октября, участие во внутрипартийных оппозициях "до и после" и, как правило, расстрельный приговор в конце⁶⁶.

Человек боевой и активный, Антонов-Овсеенко использовал все средства для поддержки интернациональных соратников. Когда из Москвы пришел запрос о приглашенных на юбилей, он, единственный из всех полпредов, немедленно стал сколачивать свою делегацию, ядро которой должны были составить члены

"Общества сближения с новой Россией", а академические приглашения чехословацким ученым, рассылавшиеся через полпредство, попридержал "до выяснения обстановки"⁶⁷. Одновременно в Праге пустили слух, что именно "левому" профессору Зденеку Неedly Российская Академия поручила "созвать более выдающихся членов, наших литераторов и вообще сведущих лиц к участию в юбилейных торжествах"⁶⁸, что вызвало резко негативное отношение ученых.

Политизация научного юбилея отпугивала. В "доверительном" письме С.Ф.Ольденбургу русист Иржи Поливка, иностранный член-корреспондент РАН с 1901, прямо писал: "Несомненно, что проф. Неedly, при близости к Вашим партийным сферам, будет иметь на Ваших торжествах особенно привилегированное положение. Русским языком он владеет плохо, но при его изворотливости и стремлении всюду выступать с публичными речами, он и здесь не будет стесняться. Но при нем положение официальных делегатов нашей Академии и Университета будет очень неловкое. Им трудно будет при таких условиях открыто выступать и говорить, как это обыкновенно бывает на разных банкетах при таких торжествах, и мы будем вынуждены стать в безцветное положение и произносить бессодержательные речи, чтобы в противном случае не вызвать недоразумений и неприятностей для себя и для своих ближайших академических кругов... Мы должны еще обстоятельно подумать, можем ли мы при таких условиях направиться к Вам"⁶⁹.

Симптоматичное письмо Поливки настолько встревожило Ольденбурга, что он в непривычно резкой для себя манере немедленно обратился к Антонову-Овсенко: "Как Вам, вероятно, это известно, АН пригласила профессора Неedly лично и никаких поручений организационного или иного характера ему не давала да и не имела надобности давать ввиду тех прочных научных связей, которые соединяют ее с учеными учреждениями Чехо-Словакии. [...] Дальнейшие меры по привлечению их к участию в празднике Академии, хотя бы и продиктованные дружескими чувствами, не вызываются, по мнению АН, необходимостью"⁷⁰. С помощью Н.П.Горбунова Академии удалось отбиться от "друзей новой России",

однако на юбилей из более, чем двадцати приглашенных чехословацких ученых, приехало только четверо.

Еще больший переполох в СССР вызвала другая инициатива полпреда, инспирированная Романом Якобсоном, предложившим пригласить "на юбилей Ленинградской Академии наук" - ни много-ни мало - президента Чехословакии Томаша Г. Масарика⁷¹.

Ссылаясь на информацию "профессора Ястребова"⁷², что "формально Масарик не член АН лишь потому, что в этом звании не был утвержден царским правительством"⁷³, Якобсон уговорил Антонова-Овсеенко и 9 июня соответствующая депеша пошла в НКВД.

Предложение Якобсона не могло не импонировать полпреду. Вынашиваемая научным сообществом идея формирования "мировой организации ученых" в советском контексте быстро трансформировалась в концепцию "истинного Интернационала науки", который, конечно же, мог "выйти только из Москвы, где бьется сердце Коминтерна и Профинтерна" (А.В.Луначарский). Идея Якобсона в переводе на язык большевика Антонова-Овсеенко как раз и означала возможность формирования еще одного такого "интерна" под управлением Москвы.

Чтобы гарантировать успех операции, Якобсон, по всем правилам шпионского искусства, организовал утечку информации, рассказав чешскому журналисту Шромму, вхожему в дом Масарика, о желании полпредства видеть президента в СССР. Шромм не подвел и Т. Масарик "случайно узнал" об этом, после чего Антонову-Овсеенко ничего не оставалось, как просить наркома Г.В.Чичерина "воздействовать", чтобы Масарик был приглашен.

Инициатива Якобсона, конечно же, не была только его личной импровизацией или "евразийской" интригой. Разумеется, Якобсон, еще не эмигрант, а гражданин СССР⁷⁴, был лично чрезвычайно заинтересован в покровительстве президента Чехословакии: репутация советского агента делала невозможной для него карьеру в эмигрантских научных учреждениях⁷⁵ и не помогала в чешских научных кругах. Но известие, что "известный ученый Масарик,

но в то же время и пожизненный президент Чехо-Словакии, очень бы хотел приехать на наш юбилей", по неофициальным нам каналам, достигло и вице-президента В.А.Стеклова, о чем он сам писал в НКВД⁷⁶. Трудно представить, что такая информация могла пройти без желания самого Масарика.

Кажется, в интриге Яковсона просматривается еще одно заинтересованное "лицо" - французское. Как известно, в 20-ые годы французы стремились любыми путями противодействовать распространению германского влияния и искали возможности антигерманских коалиций на любых уровнях и во всех сферах. Десять лет понадобилось политикам и дипломатам, чтобы создать в 1935 недолговечную и хрупкую ось "Франция-Чехословакия-СССР", но ее проект явно намечался в середине 1920-х.

Одним из конфиденентов Яковсона был профессор экономической географии Альфред Фишель (Alfred Fichelle)⁷⁷, директор Французского института в Праге - удобного неформального канала французского влияния в Восточной Европе. Сам Фишель, имевший тесные связи со старыми французскими русофилами - П.Буайе, А.Мейе, Ж.Патуйе и др., стремился взять на себя роль посредника в контактах Советского полпредства с Французском посольством в Праге, демонстрировавшим, по словам Антонова-Овсеенко, свою симпатию французскому культурному сближению с СССР⁷⁸.

Представления еще малоискушенного в секретной дипломатии советского полпреда о Фишеле были крайне противоречивыми и зависимыми. Поначалу в своих донесениях в Москву он называл его просто шпионом, а возглавляемый им институт не научным, а культурно-пропагандистским, "не без примеси шпионажа, как и сам Фишель"⁷⁹. Но уже через непродолжительное время, по-видимому, под прямым влиянием Яковсона, Антонов-Овсеенко сообщал, что Фишель оказывает полпредству "серьезные услуги", а также имеет поручение договориться о реанимации старого плана создания Французского института в Ленинграде, который мог бы и возглавить⁸⁰; часть членов пражского Французского института рассматривались как кандидаты в будущий институт в СССР⁸¹.

Лоббируя идею института, живо интересовавшую все стороны, Фишель, опять через Яковсона, дал понять полпредству, что очень бы хотел получить приглашение на юбилей РАН, о чем Антонов-Овсеенко также передал в Москву. Рекомендация полпреда показалась убедительной и перспективной и почти сразу Коллегия НКВД высказалась за приглашение.

Однако через некоторое время неожиданно и весьма резко против выступил зав. отделом Центральной Европы Б.Е.Штейн, написавший [1 июля] специальное секретное письмо Г.В.Чичерину и членам Коллегии НКВД, настаивая, что "научность" Фишеля приближается к таковой же Киндермана и К^о - немецких студентов, арестованных в октябре 1924 как "шпионы и террористы" и суд над которыми в эти дни происходил в Москве. Особый гнев Штейна вызывало поведение полпреда, менявшего свои суждения с двухнедельной регулярностью. "Мнение т. Антонова, изложенное им в письме от 25-го, - писал Штейн, - о неудобстве создавшегося положения [с Масариком] может быть объяснено в известной степени желанием выйти из затруднительного положения, в какое он попал благодаря неответственным разговорам Яковсона с Фишелем и ему подобными "деятелями"⁸².

Но Штейн опоздал. 2 июля стало известно, что план Яковсона почти удался. В этот день Политбюро ЦК ВКП(б) собралось на очередное заседание⁸³. Первым пунктом обсуждались вопросы НКВД, которые, как всегда, докладывал сам нарком Г.В.Чичерин. "Сегодня Инстанция приняла решение не возражать против приглашения Масарика⁸⁴ на юбилей Академии наук ... Масарик ... получит приглашение прямо от Академии в качестве ученого, а не в качестве президента," - сообщил Чичерин Антонову-Овсеенко⁸⁵. Нарком, не испытавший восторга от пражской инициативы, на заседании Политбюро пытался указать на "неудобства" приезда главы не признающего СССР государства, но не был услышан. "Если Масарик действительно приедет, что фактически сомнительно, нужно будет его трактовать исключительно как профессора" - с этой директивой партийного руководства Чичерин вернулся в НКВД⁸⁶.

Одновременно Политбюро попеняло нарккому, что "секретные обстоятельства" дошли до сведения Масарика, и обязало провести служебное расследование. Собственный вывод Чичерина звучал однозначно: "... болтовня исходит от Якобсона. В этом смысле придется сделать сообщение Инстанции"⁸⁷. И запросил Антонова-Овсеенко телеграммой: "Инстанция требует расследования того каким образом Масарик узнал Ваше предложение чтобы Академия его пригласила. Том же контексте упоминаете Якобсона. Вашем дневнике указывается Якобсон беседовал Фишелем приглашениях Академией. Все это наводит на мысль что Масарик узнал от Якобсона Ваше предложение. Сообщите верно ли и почему Вы продолжаете настаивать незаменимости Якобсона"⁸⁸.

Еще не дождавшись ответа полпреда, 6 июля Чичерин уже докладывал в Секретариат ЦК РКП(б): "Я сам из внимательного чтения дневников т. Антонова-Овсеенко и его помощников пришел к выводу, что несомненно имела место болтовня Якобсона. ... Все последовательные полпреды на него смотрели как на человека ненадежного, но абсолютно незаменимого для исполняемых им функций. Наше полпредство совершенно не в состоянии поддерживать сношения с такой массой лиц, как это делается через посредство Якобсона, лично знающего положительно все политические, журнальные и хозяйственные сферы Праги. Такие люди бывают незаменимы, но иногда болтают некстати. В данном случае есть ряд указаний на то, что Якобсон принимал какое-то участие в вопросе о приглашении ученых на юбилей Академии, так что наличие с его стороны болтовни весьма правдоподобно"⁸⁹.

Ответ Антонова-Овсеенко от 9 июля был по-военному четким: "Незаменимым Якобсона я никогда не считал, но предлагавшиеся до сих пор кандидатуры не подходили. Я остаюсь при прежнем своем мнении, что Якобсон нам чрезвычайно полезен и реальная польза от него перевешивает возможный вред. До сих пор нет данных, уличающих его в двойственной игре. Добрая половина нашей информации исходит от него и от его источников. [...] Затем, наличие в нашем представительстве беспартийного служащего такой квалификации придает в глазах чешской общественности и официальных кругов более "приличный аспект"

нашему представительству и облегчает прорыв нами той блокады, в которой нас стараются держать. Не нахожу момент для замены Яковсона подходящим"⁹⁰.

17 июля Чичерин вновь рапортовал Политбюро ЦК, полностью повторяя слова полпреда о роли Яковсона как "живой связи Полпредства с громадным количеством разных людей в Праге", и резюмировал, что Антонов-Овсеенко "не считает этот проступок настолько серьезным, чтобы за него взыскивать с Яковсона, как человека беспартийного и по существу играющего роль информатора и посредника между Полпредством и разнообразными общественными кругами"⁹¹.

На этом можно было бы и закончить. Приглашение Фишелю отозвали, а Томаш Масарик в Советскую Россию не поехал. Разочарованный неудачей, Антонов-Овсеенко отправился в Закарпатскую Украину, по словам чехословацкой прессы, готовить восстание против Чехословакии в этом районе⁹². НКВД и МИД обменялись нотами протеста, однако шумиха не утихла, напротив, появились сообщения о выработке в Москве плана покушения на Масарика и других руководителей Чехословацкой республики.

Сколько и каких игроков было в пражском "академическом деле", пока сказать невозможно. Документы чичеринского "досье" лишь слегка приоткрывают некоторые детали этой истории. Однако на то, что "коллективный Яковсон", возможно, имел обширные и далекоидущие планы, указывает аналогичный параллельный сюжет.

После положительного решения Политбюро по Масарику, в середине июля, французы решили повторить "успех" Яковсона, намекнув Советскому полпредству в Париже, что "имеется надежда уговорить Пенлеве⁹³ в качестве ученого посетить юбилей АН"⁹⁴ - к чехословацкому президенту прибавляли французского премьер-министра.

На этот раз Чичерина не надо было уговаривать и он немедленно сообщил А.И.Рыкову: "Это имело бы громадное значение, и в особенности теперь, когда под влиянием слуха о расстреле 18-ти лицеистов⁹⁵ без суда, ученые в некоторых столицах начинают отказываться от поездки. В Париже и без того некоторые высшие научные институты принимали отрицательные решения относительно

поездки на этот юбилей. Я поэтому склонен приписывать очень большое значение поездке Пенлеве"⁹⁶.

Оперативно, 29 июля, Политбюро ЦК ВКП(б) опросом одобрило приглашение французского премьера⁹⁷, сделав это без предварительного рассмотрения Коллегии НКВД, заседание которой состоялось в тот же день, но позднее. Опоздавшее постановление Коллегии пронизано скепсисом: "Сообщить т. Красину решение Политбюро по этому вопросу и предложить ему выяснить, действительно ли хочет Пенлеве приехать на юбилей и в зависимости от ответа послать приглашение от Академии"⁹⁸. Однако решение Инстанции было законом и тут же отправлено к непосредственным исполнителям.

30 июля нарком просвещения А.В.Луначарский поручает написать С.Ф.Ольденбургу - как всегда, "лично" и "совершенно секретно" - о необходимости "пригласить на юбилей РАН Пенлеве"⁹⁹. Ошарашенный Ольденбург уже на следующий день, 31 июля, напоминает наркомпросовским деятелям, что приглашение Пенлеве "как нашему члену-корреспонденту было послано еще 12 июня, но 1 июля с.г. мы получили от него ответное письмо, где он сообщил о невозможности приехать на наши торжества вследствие усиленной работы в настоящее время"¹⁰⁰. Но сведения о возможном визите премьер-министра Франции уже просочились в советскую прессу и она на все лады обсуждает перспективы появления в СССР французского премьера.

К 31 августа все заканчивается. НКВД сообщил А.В.Луначарскому, что Поль Пенлеве не приедет¹⁰¹. Более того, 2 сентября в Академию наук пришел отказ от участия в юбилее французского посла Жана Эрбетта¹⁰². Еще ранее стало известно, что "делегация французской науки" вообще не появится в Ленинграде, и все заготовленные для торжества речи на двух языках - русском и французском - будут в сентябре произноситься для немецких ученых, которые составят ровно половину приехавших гостей. Но это уже другая история.

Вместо заключения

Этот небольшой очерк не претендует на откровение - он состоит всего лишь из манящих запахов, не имеющих ничего общего с "конечным результатом". Любителям другой кухни здесь остро не хватает "корочки".

Каждый из участников "юбилейной" виртуальной пьесы играл свою игру:

Генсек Сталин, едва одержав важнейшую победу над "перманентным революционером" Троцким, начал возводить опоры будущей эпохи сталинского классицизма. Инстинктивно тянувшийся к имитации имперского стиля, он искал надежных внепартийностью союзников и разрешил провести "импозантный" академический юбилей - репетицию "стиля Сталин";

Предсовнаркома Рыков и прежде всего его управделами Горбунов, еще в 1918 мечтавший о "наркомате науки", расчищая поле для будущей сталинской постройки, лоббировали идею "расширения и укрепления международных научных связей" как один из инвариантов Коминтерна, вокруг которой можно создавать опорные "организационные центры", нейтрализующие "тормозящее влияние" антисоветского общественного мнения¹⁰³;

Нарком Чичерин, считавший отношения с Германией ключевым положением своей внешнеполитической линии, а Рапалло - образцом двустороннего сепаратного соглашения, в свою очередь, пытался переводить боевой коминтерновский напор в русло доктрины "мирного наступления Советов";

Академики Стеклов и Ольденбург добивались у власти *carte-blanc* на превращение Академии наук в "штаб советской науки", определяющий стратегию ее развития в целом;

Президент Масарик и "неведомые" французы искали не прямые ходы на Восток, стремясь заключить его в орбиту своего влияния;

Роман Якобсон, связав и запутав идеологию, политику, спецслужбы и науку в единой клубок патронажа "гражданина мира", подобно Николаю Рериху, задавал новую версию сциентизма.

Казавшаяся "своей", игра для всех оказалась общей. В 1933 после поездки в СССР, теперь уже пораженный Эдуард Эррио напишет: "Решительно наука здесь - предмет культа. Единственная допускаемая теперь религия - наука. Главный храм

этого культа, порождающего подлинное идолопоклонство, а нередко и искажения, - Академия наук. Науку советский строй облачает всей властью, отнятой им у религии. Он делает из нее новый догмат"¹⁰⁴.

¹ Литература обширна. См., например одно из последних изданий: Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999.

² Архив внешней политики Российской Федерации МИД РФ (далее АВП РФ). Ф. 04 (Секретариат Чичерина). Оп. 59. № 56954. Папка 424 (далее - "Досье "Юбилей АН"). Пользуясь случаем, хочу принести самую искреннюю благодарность сотрудникам Архива внешней политики МИД РФ, без чьей заинтересованной помощи этот очерк не мог бы состояться. Работа проведена в рамках исследований, поддержанных грантами Российского Гуманитарного Научного Фонда (№ 98-03-04309) и Московского общественного научного фонда (№ 149 история/грант-98).

³ Иванов Вяч. Вс. Лингвистический путь Романа Якобсона // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985. С. 8.

⁴ АВП РФ. Ф. 138 (Референтура по Чехословакии). Оп. 4в. Дело № 3. Папка 16. Л. 4.

⁵ Им был Константин Константинович Юренев (1888-1938).

⁶ АВП РФ. Ф.082 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 90. Папка 22. Л. 54 (из доклада референта по Чехословакии подотдела Центральной Европы Левина Б.Е.Штейну 8 июля 1925).

⁷ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. "Дело славистов": 30-е годы. М.: Наследие, 1994. С. 11-12 (из показаний члена-корреспондента РАН Н. Н. Дурново в августе 1934, на следствии по делу "Русской национальной партии").

⁸ Борис Ефимович Штейн (1892-1961) - историк и дипломат, автор целого ряда монографий по истории советской внешней политики. В 1917 окончил экономическое отделение Петроградского Политехнического института; в 1932-34 посланник в Финляндии, в 1935-39 - в Италии; преподавал в Высшей дипломатической школе, Академии Общественных Наук при ЦК ВКП(б). В марте 1952, в разгар борьба с "космополитизмом", уволен из МИД СССР и Высшей дипломатической школы, исключен из партии.

⁹ АВП РФ. Ф. 082 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 90. Папка 22. Л. 41-42 (3 июля 1925).

¹⁰ Аросев А. Москва-Париж. Л., 1925. С. 21.

¹¹ Характерно, что на проходившем в этом году III Конгрессе этнографов и антропологов России (8-11 июня 1999; секция "источники, историография") как общеизвестный и общепринятый факт прозвучало: востоковед и разведчик для XIX- начала XX вв. - понятия синонимичные.

¹² Два года культурного сближения с границей. Сб. материалов под ред. О.Д.Каменевой. ВОКС, М., декабрь 1925. С. 6.

¹³ Автономова Н.Е., Гаспаров М.Л. Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры, 1929-1951 // Материалы Международного конгресса "100-летие Р.О.Якобсона". Москва, 18-23 декабря 1996 г. М.: РГГУ, 1997. С. 39-40.

¹⁴ Императорская Академия наук была причислена к ведомству министерства народного просвещения.

¹⁵ Исключение - И.И.Толстой, но он и продержался всего полгода в 1905/1906.

¹⁶ Robert A. Lewis Government and the Technological Sciences in the Soviet Union: The Rise of the Academy of Sciences // *Minerva: A Review of Science, Learning and Policy*. Vol. XV, N 2 (summer 1977). P. 176.

¹⁷ Кавказский историко-археологический институт, созданный в 1917 и возглавлявшийся Н.Я.Марром (в 1923 КИАИ снят с госснабжения в НКП РСФСР, свои претензии на него высказывала Грузия) и Русский археологический институт в Константинополе, созданный в 1894 и руководимый Ф.И.Успенским, но законсервированный в связи с 1 Мировой войной.

¹⁸ ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 7. Д. 12. Л. 229.

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 4об.

²⁰ Украинская Академия наук поспешила поздравить коллег, а 26 августа 1924 в "Известиях ВЦИК" и "Вечерней Москве" появилась заметка под характерным названием - "300 лет Академии Наук" и во избежание недоразумений непреходящий секретарь РАН С.Ф.Ольденбург просил срочно опубликовать опровержение.

²¹ Досье "Юбилей АН". Л. 4-9. Ученые старого поколения плохо понимали, что происходит в стране и по-прежнему апеллировали к правительству. Молодые лучше адаптировались к новой реальности: Н.И.Вавилов, например, уже обращался непосредственно в секретариат ЦК партии.

²² Досье "Юбилей АН. Л. 2-3. Полностью Записка готовится к публикации в журнале "Природа".

²³ Досье "Юбилей АН. Л. 1.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 490 Л. 3.

²⁵ ГАРФ. Ф.5446. Оп. 37. Д. 378. Л. 2.

²⁶ См.: Кременцов Н.Л. Советская наука на пороге холодной войны: "Дело КР" // In *Меморіам: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка*. М; СПб., 1995. С. 274.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л.26.

-
- ²⁸ ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л.29 об.
- ²⁹ Вечерняя Красная газета. 1925. 13 июня.
- ³⁰ Н.И.Андрусов (геолог, в Чехословакии), П.И.Вальден (химик, в Германии), П.Г.Виноградов (историк-медиевист, с 1903 совмещавший профессорство в Оксфорде и Москве), Н.П.Кондаков (искусствовед, в Чехословакии), М.И.Ростовцев (историк античности, в США), П.Б.Струве (экономист, в Чехословакии/Франции), В.А.Францев (славист, в Чехословакии), И.В. Ягич (славист, в).
- ³¹ И.А.Бунин и Ф.Ф.Зелинский
- ³² Слависты М.Р.Фасмер и С.М.Кульбакин, монголовед В.Л.Котвич, богослов и историк Н.Н.Глубоковский, экономист и статистик А.И.Чупров, историк и статистик Ф.А.Щербина, археолог графиня П.С.Уварова, историки А.А.Кизеветтер и Е.Ф.Шмурло, гистолог А.А.Максимов, языковед И.А.Бодуэн де Куртенэ, германист Ф.А.Браун, а также физик А.А.Эттинген, минералог А.Е.Лагорио, микробиолог С.Н.Виноградский, не говоря уж об ученых, отделившихся от России вместе с Финляндией.
- ³³ VAR. G.Vernadsky Collection. Box 86. Folder 1924-1 (письмо Н.Е.Вернадской от 7 августа 1924).
- ³⁴ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 56. Л. 37аоб. (дневник Е.Г.Ольденбург, запись 6 июля 1925).
- ³⁵ ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 13. Л. 186.
- ³⁶ ПФА РАН Ф. 12. Оп. 1. Д. 7; Д. 8. Л. 175-177.
- ³⁷ Яковенко С. Евгений Францевич Шмурло и Русское историческое общество в Праге // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 1993. М.: Наука, 1993. С. 70
- ³⁸ ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 30. Л. 243. Историк церкви Константин Васильевич Харлампович (1870-1932), арестованный в Казани в сентябре 1924 за выпуск XXXII тома «Известий» Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, в январе 1925 был выслан на 3 года в Киргизский край (современный Казахстан).
- ³⁹ ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2 Л. 12.
- ⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.
- ⁴¹ См.: Большевистское руководство. Переписка. 1912-19127. М.: РОССПЭН, 1996. С.299-300.
- ⁴² Подсчеты наши по: ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 11. Л. 141-148. В литературе приводятся несколько отличные цифры, см.: Яковлев В.Л. К прошедшим юбилейным торжествам Академии наук // Природа. 1925. № 10/12. С. 71; Иоффе А.Е. Международные научные связи советской науки, техники и культуры. 1917-1932. М., 1975. С. 127.
- ⁴³ АРАН.Ф.1759 (М.Н.Покровский). Оп. 4. Д. 396. Л. 25.
- ⁴⁴ Досье "Юбилей АН. Л. 32.

-
- ⁴⁵ Досье "Юбилей АН". Л. 35.
- ⁴⁶ Досье "Юбилей АН". Л. 40. Розвадовский Я.М. (1867-1935) - польский языковед, профессор Краковского университета, член Польской Академии знаний (с 1903), в 1925-1929 ее президент, член-корреспондент РАН с 1911 г.
- ⁴⁷ Первым международным съездом на территории СССР был III Международный конгресс по теоретической и прикладной лимнологии (август 1925).
- ⁴⁸ Досье "Юбилей АН". Л. 51.
- ⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
- ⁵⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1963. С. 283—284.
- ⁵¹ ПФА РАН Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-1об.
- ⁵² Досье "Юбилей АН" Л. 114-115.
- ⁵³ Досье "Юбилей АН" Л. 116-117.
- ⁵⁴ АВП РФ. Ф. 82 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 165. Папка 127. Л.54.
- ⁵⁵ Единственной жертвой чистки академических списков стал назначенный представителем Норвежской АН славист Олаф Брок (1867-1961), после поездки в СССР выпустивший резко критичную книгу "Proletariatets diktatur. Seet og tϕnkt fra forsommeren 1923", изданную двумя изданиями в 1923 и 1924 в Осло, а также в шведском переводе в 1924 в Стокгольме и по-французски в 1925 в парижском журнале "Correspondant" (Т. 298, 299). Позднее тот же О.Брок стал первым иностранным ученым, исключенным из АН СССР в 1949.
- ⁵⁶ Досье "Юбилей АН". Л. 122.
- ⁵⁷ АВП РФ. Ф. 82 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 165. Папка 127. Л. 56.
- ⁵⁸ Досье "Юбилей АН". Л. 139.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 82 (Полпредство в Германии). Оп. Д. 165. Папка 127. Л. 61.
- ⁶⁰ Зденек Нееды (1878-1962) - доктор философии Карлова университета, в 1939 эмигрировал в СССР, работал в МГУ и Институте истории АН СССР (1939-1945). В 1945-1946 министр школ и народного просвещения Чехословакии, в 1946-1948 министр труда и социального обеспечения, в 1948-1953 министр школ, наук и искусства; основатель и президент Чехословацкой Академии наук в 1952. В январе-сентябре 1953 заместитель премьер-министра Чехословакии.
- ⁶¹ Так в тесте - М.С.
- ⁶² ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 67.
- ⁶³ РГАЛИ. Ф.1568. Оп. 1. Д. 5. Л. 123.
- ⁶⁴ См., например: Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие "русской акции" – Славяноведение. 1994. № 4. С.32.
- ⁶⁵ АВП РФ. Ф. 082 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 90. Папка 22. Л. 41-42

⁶⁶ Сын дворянина из Чернигова, военный по образованию и меньшевик по призванию, Антонов-Овсеенко, вернувшись в 1917 по амнистии в Россию, на время настолько вписался в новый партийный ландшафт, что ему доверили руководство захватом Зимнего Дворца и арест членов Временного правительства. После октябрьского переворота он командующий ключевым Петроградским Военным Округом; в 1921 подавлял крестьянское движение в Тамбовской губ., а с осени 1922 по февраль 1924 начальник Политуправления Красной Армии. В 1923 Антонов-Овсеенко выступил против Сталина и подписал "Заявление 46-ти" в ЦК о нестерпимости внутрипартийного режима. Как и других подписантов, в октябре 1923 на Пленуме ЦК и ЦКК его объявили фракционером и обвинили вкуче с Троцким в раскольнической деятельности. С ярлыками фракционера, раскольника и троцкиста он был отправлен, по выражению Александры Коллонтай, "есть персики", т.е. в ссылку с "дипломатическим" поручением - сначала в Китай, в марте 1924 в Чехословакию, затем в Литву (1928-1930) и Польшу (1930-1934). Продержав Антонова-Овсеенко ровно десять лет за границей и отказав ему в 1933 в приеме во Всесоюзное общество старых большевиков, Сталин вернул его в 1934 на родину, назначив прокурором РСФСР. В 1936 Антонов-Овсеенко - генеральный консул СССР в Барселоне (Испания), откуда вернулся через год и уже в последний раз - в 1937, теперь уже наркомом юстиции РСФСР.

⁶⁷ ПФА РАН Ф. 12. Оп. 1. Д.9. Л.93.

⁶⁸ ПФА РАН Ф. 12. Оп. 1. Д.10. Л. 59.

⁶⁹ ПФА РАН Ф. 12. Оп. 1. Д.10. Л. 59.

⁷⁰ ПФА РАН Ф. 12. Оп. 1. Д.10. Л. 146-146об.

⁷¹ Досье "Юбилей АН". Л. 166.

⁷² Ссылка была весьма вольной: славист Николай Владимирович Ястребов (р. 1869) скончался еще в 1923; в дореволюционные годы он неоднократно встречался с Т.Масариком. Ястребов был первым профессором Петербургского университета, специально подготовленным для преподавания истории славян, а кроме того был хорошо известен своими либеральными взглядами; еще в 1905 он учредил т.н. "партию свободомыслящих", объединявшую несколько петербургских интеллигентов под лозунгом "свободной критической мысли" и "эволюционного развития общества по направлению к свободе". В мае 1919 Ястребов получил заграничную командировку от РАН и Петроградского университета, которая быстро превратилась в эмиграцию и с 1920 Ястребов стал профессором славянской истории в Праге.

⁷³ АВП РФ. Ф. 082 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 90. Папка 22. Л. 50-50об.

⁷⁴ 8 июля 1925 референт по Чехословакии подотдела Центральной Европы Левин утверждал: "Яacobсон никогда от советского гражданства не отказывался" (АВП РФ. Ф. 082 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 90. Папка 22. Л. 54).

⁷⁵ См. об этом, например, в письме Н.С.Трубецкого Р.Якобсону от 25 января 1923 (N.S.Trubetzkoj's Letters and Notes. Hague-Paris, 1975. P. 42).

⁷⁶ ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 10. Л. 219.

⁷⁷ См. его работы: *La Tchecoslovaquie, état exporteur*. Bruxeless, 1922 (Paris, 1931); *Géographie physique et économique de l'URSS*. Paris, 1946. Фишель перевел на французский работы Ф.Ф.Зелинского по истории античной цивилизации (Париж, 1931) и греческой религии (Париж, 1926).

⁷⁸ АВП РФ. Ф. 082 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 90. Папка 22. Л. 50-50об.

⁷⁹ АВП РФ. Ф. 082 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 90. Папка 22. Л. 41-42

⁸⁰ АВП РФ. Ф. 082 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 90. Папка 22. Л. 50-50об.

⁸¹ АВП РФ. Ф. 082 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 90. Папка 22. Л. 50-50об.

⁸² Досье "Юбилей АН". Л. 161

⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 509. Л. 2. Присутствовали: члены Политбюро: Рыков, Сталин, Томский, Троцкий; кандидаты в члены Политбюро: Дзержинский, Рудзутак, Фрунзе, Калинин, Сокольников; члены ЦК: Андреев, Бубнов, Ворошилов, Догадов, Михайлов, Лепсе, Цурюпа; члены Президиума ЦКК: Сольц, Чуцкаев, Шкирятов, Ярославский.

⁸⁴ В оригинале "Массарик".

⁸⁵ Копии - полпредам Х.Г.Раковскому и Н.Н.Крестинскому, членам Коллегии НКВД С.И.Аралову, Ф.А.Ротштейну, Б.Е.Штейну.

⁸⁶ Досье "Юбилей АН". Л. 162

⁸⁷ Досье "Юбилей АН". Л. 162

⁸⁸ Досье "Юбилей АН". Л. 143

⁸⁹ Досье "Юбилей АН". Л. 149

⁹⁰ Досье "Юбилей АН". Л. 166.

⁹¹ АВП РФ. Ф.082 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 90. Папка 22. Л. 51.

⁹² Петерс И.А. Чехословацко-советские отношения (1918-1934). Киев, 1965. С. 178-180.

⁹³ Пенлеве Поль (1863-1933) - французский математик, профессор Коллеж де Франс; в 1915-1916 министр народного просвещения и информации, в 1917 и 1926-1929 военный министр, в 1917 и 1925 премьер-министр Франции, в 1930-1933 министр авиации. Член-корреспондент РАН с 1924.

⁹⁴ Досье "Юбилей АН". Л. 180-181 (телеграмма посла Л.Б.Красина в НКВД; ее копии были направлены членам Политбюро и Коллегии НКВД).

⁹⁵ См.: Телетова Н.К. "Дело лицеистов" 1925 года // Звезда. 1998. № 6. С. 115-131.

⁹⁶ Досье "Юбилей АН". Л. 180-181.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 513 (протокол № 73 от 30 июля; опрос проводился накануне).

⁹⁸ АВП РФ. Ф. 0136 (Полпредство во Франции). Д. 131. Папка 107. Л. 3.

⁹⁹ ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 11. Л. 8-8об.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 7. Д. 12. Л. 129-129 об.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 7. Д. 21. Л. 33.

¹⁰² ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 14. л. 51.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 62. Л. 18.

¹⁰⁴ Эррио Э. Восток. М., 1935. С. 208-209.